

Виктор Шмыров

*Члену Правления Мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36»,
члену Общественного совета Международного гражданского форума «Пилорама»,
непременному члену Международной летней школы музеологии в «Пермь-36»,
другу и очень хорошему человеку –
Арсению Борисовичу Рогинскому*

«Пермь-36» – как это начиналось...

Создание Мемориального музея «Пермь-36» началось с совершеннейшего анекдота.

Идею создать музей в бывшем лагере – правда, не в «Пермь-36», а в «Пермь-35» – высказал весной 1992 г. тогдашний начальник Пермского УВД Ю.И. Федоров – его осаждали многочисленные зарубежные журналисты, рвавшиеся в последний политический лагерь СССР, последние заключенные которого незадолго до того вышли на свободу, но в лагере были уже новые, обычные заключенные, и проблемы с допуском решались с трудом. Будучи членом Межрегиональной депутатской группы, Юрий Иванович сказать жесткое офицерско-начальственное «нет!» не мог, вот и предложил Пермскому Мемориалу – В.В. Виниченко и А.М. Калиху – создать в действующей ИТК музей его прежних политических заключенных.

Вскоре представители Мемориала побывали в ИТК-35 и поняли, что им предлагают под музей пару небольших комнат в лагерьной больничке, в которых если что и можно было создать, то нечто вроде школьной комнаты славы бывших политзаключенных, и спросили сопровождавших офицеров – а нельзя ли приспособить под музей всю больничку? А поскольку один из приехавших был бывшим беглецом из СССР, более 20 лет прожившим на Западе, то он поинтересовался еще и сколько вся эта больничка может стоить.

А так как среди встречавших и сопровождавших нас в этой экскурсии был важный чин из УИТУ – Пермского управления исправительно-трудовых учреждений, а бывший беглец воспринимался тогда эмиссаром А.И. Солженицына, то стоимость постройки в остаточных ценах была сообщена сразу же, после того как по сигналу важного чина один из младших офицеров куда-то, видимо в бухгалтерию, сбегал.

– Долларов? – переспросил «эмиссар». И когда ему ответили: «рублей», обронил: «Всего-то?!»

Ю.И. Федоров идею музея во всей больничке воспринял едва ли не с энтузиазмом и направил нас решать проблему в Москву.

Там заместитель начальника ГУИТУ МВД РФ, выслушав наши предложения о больничке, бросил:

– А чего вам больничка? Если делать музей, то во всем лагере. Нас все время тычут – «ваши лагеря, ваши лагеря». Давайте вместе рядом с этим лагерем построим современную тюрьму и будем водить экскурсии и туда, и сюда. Покажем, как было и как стало!

На наше робкое «Так дорого, наверно?» не спеша достал из стола футляр, извлек из него очки, нацепил их, повернулся к полкам за своей спиной, пробежался указательным пальцем по красовавшимся там корешкам, извлек нужный том, разложил на абсолютно пустом, внушительных размеров столе, поводил тем же пальцем по каким-то строчкам и, уперев его в одну из них, отдельно и весомо произнес, подняв на нас взгляд поверх очков и пальца не отрывая:

– По нашим данным, Солженицын деньги вам дает. Долларами...

К сожалению, их данные не были достоверными, и мы покинули ГУИТУ в глубоких сомнениях...

На этом анекдот завершился.

Но тема в памяти осталась. А поскольку к тому же вспомнилось прочитанное когда-то у В.К. Буковского, что первых политзаключенных в Пермскую область привезли 13 июля 1972 г., Пермский Мемориал решил в день двадцатилетия этого события провести конференцию с участием бывших политзаключенных и историков. Деньги на конференцию заработали сами, проведя для группы зарубежных журналистов (с помощью все того же Ю.И. Федорова) экскурсию по лагерям, брошенным и действующим; скульптор Р.Б. Веденеев, сам отсидевший прежде «за политику», отлил Мемориальную доску и построил-таки в двух комнатах больнички ИТК-35 небольшую экспозицию; председатель Санкт-Петербургского Мемориала В.В. Йофе – давний мордовский «сиделец» – собрал группу бывших заключенных Пермских политлагерей; друг А.М. Калиха, директор Горнозаводского цементного комбината, находящегося в нескольких километрах от лагеря «Пермь-35», С.Л. Хариф предоставил для проведения конференции и проживания ее участников комбинатовский профилакторий, и 12–15 июля 1992 г. была проведена первая научно-практическая конференция Пермского Мемориала, посвященная Пермским политлагерям, в ходе которой были открыты Мемориальная доска на здании больнички и небольшой музей в нем.

А еще участники конференции объехали все три бывших пермских политзоны, побывав кроме ИТК-35 в ИТК-37 и в ИТК-36. ИТК-37 в пос. Половинка, расположенном неподалеку от ИТК-35, бывшие недавние ее заключенные узнать не могли – так она была перестроена. А ИТК-36 оказалась полузаброшенной.

Эта зона поразила. Дряхлостью... Ветхостью... Архаизмом... Разрушающимися, растающими в землю замшелыми стенами деревянных построек – мха при внимательном рассмотрении на стенах все же не было, но они казались именно замшелыми, меж которыми в задумчивой медленности бродили странные люди – отрешенного вида женщины в нелепо пестрых нарядах, собранных из плохо сочетающихся элементов разнообразнейшей и изношенной одежды, и кое-как выбритые мужчины с худыми темными лицами, в столь же фантастичной комбинации деталей своих одеяний, а некоторые даже просто в обтертых, замызганных пижамах. Это, оказалось, были обитатели – пациентами их назвать было трудно – психоневрологического интерната, размещенного в бывшей лагерной зоне сразу же после ее ликвидации.

Поразили молодые, из последних заключенных этого лагеря, приехавшие с Вениамином Викторовичем Йофе, моментально спроворившие, на бетонном тротуаре возле просевшей на один бок постройки – некогда нарядно, «в елочку», обитой подтоварником и шелушащуюся хлопьями древней оливковой краски, как потом оказалось, лагерной санчасти – обложенный кирпичным боем костерок из нескольких щепок и вскоре, сидя вокруг него уютным кружком, блаженно потягивали из ржавой консервной банки чифирок...

А окончательно добил нас барак в отдельно от основной зоны расположенном отделении особого режима, на вид, снаружи глядя, то ли рекордно огромный коровник, то ли еще что, выстроенное по излюбленной экономной колхозной технологии – «брус, забранный в кирпичные столбы», но с несуразно огромными для такой постройки частыми, зияющими черной пустотой оконными проемами.

Это, оказалось, был все же барак. Барак особого режима – тюрьма, устроенная в лагерной зоне. Как в тюрьме, заключенные этого отделения круглосуточно находились в запертых камерах, но, как в лагере, все до единого обязаны были работать и выполнять производственные нормы, за

невыполнение которых жестко карались. Все это, с великим уважением к заключенным этого барака, рассказали бывшие з/к основной зоны, зоны строгого режима – заключенных особого режима в их составе не было, рассказали о том, что все без исключения сидевшие в нем диссиденты прежде того уже отбывали, и некоторые не по разу; о том, что на этот раз у всех был один и тот же срок – десять лет с последующей ссылкой на пять лет; об абсолютной изоляции, при которой заключенные годами не видели никого, кроме надзирателей и сокамерников, а многие сидели в камерах по двое; о том, что получать сидевшие здесь могли одно письмо в месяц и одну посылку в год, да и те посылки весом до 5 кг лишь после отбытия половины срока...

Барак этот поразил не только нас и десятки тысяч побывавших там затем посетителей музея, но и многоопытного, отбывшего собственный срок в самых суровых уголовных лагерях Коми и Архангельской области А.Б. Рогинского, едва не бегом бросавшегося от камеры к камере, когда впервые в нем оказался:

– Безумие! Я бы здесь и месяца не смог! Учинил что-нибудь, чтобы в настоящую «крытку»¹ перевели.

Тогда, уезжая из лагеря, мы, еще не сговариваясь, поняли – все это надо сохранить...

На остававшиеся от конференции деньги чуть позже наняли соседей в сторожа, чтоб гоняли тех, кто норовил прибрать что-нибудь в свое хозяйство (в бараке к тому времени уже были полностью разобраны и растащены полы, оконные рамы и двери), и предупредили местные власти.

Через год Вениамин Викторович дал совет: «Найдите пару местных рукастых мужичков, попросите власти выделить им земли по соседству и какой-нибудь тракторишко, пусть фермерствуют да за баракком приглядывают, а порой что-нибудь и поправляют в нем, настелют в коридорах трапы, чтобы люди ходить могли».

А еще через год «пару рукастых мужичков» – Славу Ворошкина и Виктора Зыкова – мы нашли в Перми. Или они нас. Один из них был заместителем директора строительного ПТУ, другой – фотографом в «Пермторгрекламе» – самом крупном в городе рекламном предприятии. Оба устали от рутины казенной службы, оба – и вместе, и отдельно – уже попробовали себя – «полууспешно» – в свободном хозяйствовании кооперативного этапа перестроечного российского предпринимательства и легко оставили Пермь.

Но не только «рукастые», но и битые, они быстро убедили нас в том, что фермерство в России – фантазия, и предложили заниматься лесом. Тем более что лес и нам для ремонта барака был нужен.

Лесозаготовки начались осенью 1994 г. Деньгами ссудил некогда пермский, а в то время уже московский писатель Леонид Юзефович, приехавший в родной город получать гонорар за изданную в Перми книгу, а поскольку с выплатой возникли какие-то проблемы, прожил почти неделю, выслушивая почти каждый вечер наши планы, расчеты, прожекты, и когда гонорар он все-таки получил, выложил его весь, вместе с мелочью, на стол:

– Когда сможете, вернете.

– А если не сможем?

Плечами пожал.

¹ В тюрьму.

«Рукастые» отремонтировали и оснастили подаренные «добрыми людьми» отработавшие свое и списанные деревообрабатывающие станки, старую лагерную пилораму и «тракторишко», приготовленный в каком-то ПТУ к сдаче в металлолом, оборудовали в бывшем лагерном гараже настоящий столярный цех, купили бензопилы и бензин, сколотили бригаду из давно сидевших без работы бывших местных колхозников и с первым снегом начали «осваивать» выделенную местными властями делянку.

«Освоили» за зиму без малого 2000 кубометров. Весной 1995 г. разделали на восстановленной лагерной пилораме большую их часть на доски и брус, сколько-то продали, вернули долг и прикупили новые бензопилы. А главное, появился материал для ремонта барака. За лето настлали во всех его 825,7 метрах квадратных полы, изготовили в своей столярке оконные рамы и двери, шифер на кровлю снимали с брошенных полуразрушенных домов в прилагерном поселке, гвозди выдирали там же и правили. А как радовались, когда направили хоть и маленькое, но полное ведерко корявых и ржавых, но – гвоздей!

5 сентября 1995 г. барак отделения особого режима был открыт для посетителей.

Всем стало понятно – музей будет.

А одновременно со всеми этими хлопотами и заботами, в Москве, в «Мемориале», проходили встречи и дебаты, на которых мемориальцы, историки, бывшие диссиденты и бывшие «отсиденты», журналисты, дизайнеры, художники и писатели, собранные А.Б. Рогинским, обсуждали «Пермь-36» – быть или не быть музею: о чем музей? зачем музей? какой музей? что в музее? для кого музей? И сыпали, сыпали идеями...

Музей обретал свое будущее, своих друзей и партнеров, поддержкой, стараниями и трудами которых будут создаваться экспозиции и выставки, просветительские проекты и программы, Уроки истории в музее ГУЛАГа, Летняя школа музеологии, Гражданские чтения памяти В.П. Астафьева, Международный гражданский форум «Пилорама» и многое другое.

И в тяжкие моменты, которых у музея было, к сожалению, немало, нынешний юбиляр бросал все свои важные московские дела и по первому зову, а порой и без зова, летел в Пермь: проводил переговоры, убеждал начальников, мирил и разводил, искал выходы из безвыходных и безысходных ситуаций, советовал, ободрял, поддерживал и помогал.